

Эксклюзивный лифт плавно поднимался вверх, цифры на табло беспрерывно сменяли друг друга. Шэнь Цинцы стоял в зеркальной кабине, окутанный своей привычной аурой ледяной строгости. Помощник тихо стоял позади, не сводя глаз с дверей, и лишь слабое гудение работающего лифта нарушало тишину.

Однако, вопреки этому внешнему спокойствию, внутри Шэнь Цинцы бушевало безмолвное цунами — цунами, где крайнее напряжение внезапно сменилось невероятным облегчением и восторгом.

В тот самый миг, когда двери лифта закрылись, отсекая его от внешнего мира, нерв, натянутый до предела с самого утра — с момента пробуждения, одевания и поездки на машине, — с тихим звоном лопнул.

Но этот разрыв принес не крах, а небывалое расслабление.

Чувство было таким, будто воин, годами носивший тесные, сковывающие дыхание доспехи, вдруг обнаружил, что эти кажущиеся тяжелыми латы на самом деле сотканы из нежнейшего пуха. Они были не оковами, а самым уютным утешением и надежной защитой.

Ощущение стеснения никуда не делось. Черный кружевной корсет продолжал сжимать поясницу, мягкость шелковистых колготок плотно облежала ноги, не исчезало и мягкое прикосновение гигиенической прокладки. Но теперь эти ощущения перестали быть «аномалией», с которой нужно было бороться или которую стоило опасаться. Они странным образом трансформировались. Они превратились в подтверждение, в невероятно успокаивающий, даже сладостный тайный шепот.

Это женское белье, скрытое под строгим деловым костюмом, больше не было тяжелой тайной — оно стало источником тайной радости, принадлежащей только ему. Они перестали быть доказательством его вины, способным погубить его, превратившись в уникальную броню, помогающую справляться с жизненными бурями.

Абсурдное, но невероятно подлинное счастье, подобно теплomu густому меду, начало подниматься из самой глубины его души, быстро разливаясь по всему телу. Он был... невероятно счастлив! Это был экстаз, граничащий с преступным удовольствием ребенка, у которого удался тайный розыгрыш.

Раздался отчетливый звуковой сигнал, возвестивший о прибытии на верхний этаж.

Двери открылись. Шэнь Цинцы вышел вперед, его походка оставалась твердой, даже более уверенной, чем обычно. Его главный секретарь Анна с папкой для документов в руках поспешила навстречу и начала ровным голосом докладывать:

— Доброе утро, господин Шэнь. Все готово к видеоконференции с европейскими партнерами в девять тридцать, вот их последние уточнения. Кроме того, директор Группы компаний «Жуйкэ» хотел бы передвинуть послеобеденное чаепитие на полчаса раньше...

Шэнь Цинцы слушал, направляясь в свой кабинет. Солнечные лучи, проникая сквозь огромные окна в пол, заливали пространство ослепительным светом. Сегодня ему казалось, что солнце светит особенно ярко, и даже пылинки, кружащиеся в воздухе, выглядели оживленно.

— Хорошо, скорректируй график, — произнес он своим обычным спокойным голосом, но если прислушаться, в нем стало меньше ледяной остроты, чем прежде, и появилось нечто иное — неуловимая мягкость? Он и сам этого не заметил.

— Слушаюсь, господин Шэнь, — Анна внимательно отметила, что ее начальник сегодня ведет себя иначе, хотя не могла сказать, в чем именно крылось различие. Казалось, от него стало исходить меньше давления? Она не стала больше раздумывать и почтительно распахнула перед ним дверь кабинета.

Массивная дубовая дверь закрылась, вновь отсекая внешний мир.

Шэнь Цинцы не сразу подошел к столу, а остановился у окна, разглядывая распростертые под ногами небоскребы и снующие, словно муравьи, потоки машин. Раньше здесь он чувствовал лишь ответственность, контроль и незримое давление. Сегодня же уголки его губ против воли приподнялись в едва заметной улыбке.

Воротник шелковой рубашки ласкал шею, а через ткань сквозь корсет ощущался край кружева. Ноги в колготках под брюками при каждом движении дарили ощущение гладкости и комфорта. Все эти чувства больше не были помехой — они превратились в череду радостных кодов, которые бесшумно взрывались внутри, подобно крошечным ярким фейерверкам.

Он ощутил небывалую свободу. Не свободу действий, а свободу духа — обретение своего маленького абсолютного пространства среди тяжелых оков. Оказалось, что принятие самого себя, даже в столь шокирующем проявлении, дарит не крах, а приток колоссальной энергии и... счастья.

Он развернулся и пошел к столу. Ощущение кожаного кресла через колготки вдруг показалось ему удивительно приятным. Он открыл ноутбук и принялся изучать материалы конференции. Как ни странно, мысли стали яснее и острее. Сложные пункты договоров и цифры больше не казались скучными, превратившись в занятные головоломки, ждущие своего решения.

Было ли это следствием того, что он сбросил груз борьбы со своей тайной? Или эта тайная радость подпитывала его разум? Он не знал и не хотел докапываться до сути. Он знал лишь одно: его состояние сегодня было поразительно хорошим.

В девять тридцать видеоконференция началась вовремя.

На огромном экране появились серьезные лица нескольких топ-менеджеров европейских партнеров. Шэнь Цинцы занял место во главе стола и начал вступительное слово, бегло и четко излагая свои мысли на английском. В обсуждении ключевых моментов его привычная властность никуда не исчезла, но сегодня в ней ощущалась особая непринужденность и... невыразимое очарование.

Когда он слегка подавался вперед, внимательно слушая оппонентов, корсет напоминал о спрятанной внутри тайне, что придавало его взгляду не только остроту, но и пронизательный, почти озорной блеск. А когда он откидывался на спинку стула, обстоятельно излагая свою позицию, необычные ощущения в нижней части тела добавляли ему спокойствия и сдержанности.

Он больше не был тем закованным в броню, ледяным Шэнь Цинцы. Он стал кем-то более цельным, живым и даже обладающим некой загадочной притягательностью. Казалось, даже искушенные европейские руководители по ту сторону экрана почувствовали эту перемену: тон их беседы постепенно утратил официальную сухость, наполнившись оттенками искреннего общения.

Встреча прошла на удивление успешно, превзойдя все ожидания. Предварительные договоренности были достигнуты всего за сорок пять минут вместо запланированного часа.

Конференция завершилась, экран погас.

Шэнь Цинцы откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул. На этот раз это был вздох абсолютного расслабления и удовлетворения. Огромное чувство достижения окутало его, и это чувство странным образом слилось с той тайной радостью, что жила в глубине души, дополняя её.

У него получилось. Он не только удачно скрыл свою тайну, но благодаря ей стал... даже лучше?

Это осознание заставило сердце забиться чаще. Он опустил взгляд на свои руки, лежащие на гладкой столешнице — жилистые, сильные. Кто бы мог подумать, что обладатель этих рук сейчас облачен в изысканное женское белье и... получает от этого огромное удовольствие.

К обеду Анна принесла легкую трапезу. У него был на удивление хороший аппетит, он даже почувствовал вкус и аромат еды, которые раньше игнорировал.

Весь оставшийся день он работал с невероятной эффективностью. Подпись документов, контракты, отчеты... Каждую задачу он выполнял с чувством некоего удовольствия. Это тайное облачение служило постоянным, едва заметным, но приятным фоном, сопровождая и вдохновляя его, делая даже самые рутинные дела не такими уж обременительными.

Ему даже захотелось, чтобы это состояние продлилось как можно дольше.

Когда наступил вечер и закатное солнце окрасило небо в великолепный оранжевый цвет, Шэнь Цинцы был поражен тем, как быстро пролетел день. Он отправил последнее электронное письмо и закрыл ноутбук.

Он встал и подошел к окну. Закат осветил его стройную фигуру теплыми золотистыми лучами. Он чувствовал внутри себя ту же полноту тайного счастья, словно согревал в душе маленькое солнце.

Сегодня, облаченный в женское белье, он прожил самый напряженный, но в то же время самый счастливый и продуктивный день с тех пор, как стал Шэнь Цинцы.

По дороге домой в машине его лицо обдувал вечерний ветерок. Он даже тихонько подпевал какой-то легкой мелодии, звучащей из колонок. Ощущение колготок под брюками теперь казалось чем-то до боли естественным.

Он понимал: как только он вернется в свою квартиру и снимет этот наряд, он снова станет тем самым осторожным Шэнь Цинцы. Но теперь он не чувствовал ни разочарования, ни подавленности. Потому что настоящая, радостная Цинцин уже нашла способ сосуществовать с ним. Теперь она жила не только в тишине ночной комнаты, но могла превратиться в легкий шлейф аромата, в теплое течение, что молчаливо сопровождало дневного Шэнь Цинцы на каждом отрезке его пути.

Это могло быть опасно, могло быть сумасшествием.

Но радость была подлинной.

<http://bllate.org/book/20970/2128504>